

П. Арутюнян

К оценке деятельности Исаела Ори и Минас-вардапета

Исаел Ори и Минас-вардапет были видными деятелями и руководителями армянского освободительного движения в первой четверти XVIII в. В исторической литературе существуют различные мнения и оценки о месте и роли этих деятелей в истории армянского освободительного движения. Неправильный подбор материалов привел некоторых историков к тому, что они развитие этих отношений целиком связали с именем Исаела Ори. Мы, не разделяя этой точки зрения, в то же время Исаела Ори считаем одним из крупнейших политических деятелей рассматриваемого периода.

В нашей работе¹, несколько не умаляя роли и значения Ори в истории армянского освободительного движения, в то же время попытались подробнее осветить место и значение Ангегакотского собрания в истории освободительного движения, в истории русско-армянских отношений. Значение Ангегакотского собрания подчеркивается еще и тем, что здесь было принято решение обратиться за помощью к России, без которой невозможно было освобождение Армении, как и всего Закавказья, от ига персидских и турецких завоевателей. А письмо участников собрания Петру I от 29 апреля 1699 г. следует считать одной из важнейших вех движения за присоединение к России.

По мнению проф. Лео, вопрос о русской помощи на собрании в Ангегакоте был выдвинут и обсуждался по настоянию Исаела Ори, иначе говоря, обращение армян к России Лео связывает исключительно с влиянием Ори². Трудно предположить, что Исаел Ори мог быть инициатором постановки в Ангегакоте вопроса о русской помощи, если учесть, что он вернулся в Армению (4 апреля 1699 г.) не из России, а из Западной Европы, имея при себе письма баварского курфюрста Иоганна Вильгельма, сулившего армянам „помощь“ западноевропейских держав. В Европе Ори внушали, что армяне получают помощь, если они примут католичество, и Ори вернулся в Армению с намерением настроить влиятельных армянских политических деятелей в пользу папы и западноевропейских государей.

Вопрос о принятии католичества Ори выдвинул в Эчмиадзине и Гандзасаре, но натолкнулся на решительное сопротивление. Все же

¹ П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в... М., 1954.

² Лео, История Армении, т. III, 1946, стр. 526.

ему удалось добиться обсуждения этого вопроса так же, как и вопроса о помощи баварского курфюрста, на Ангегакотском собрании.

Участники собрания, очевидно по настоянию Ори, решили написать письмо Иоганну Вильгельму с просьбой прислать войска на помощь армянам; с целью ускорить помощь, мелики согласились также отправить послание римскому папе, обещая принять католичество, если они получат достаточную военную поддержку. Однако эти письма и обещания оказались мертворожденными, так как они не опирались на поддержку широких слоев армянского народа, ненавидевшего католицизм и его распространителей, как своих злейших врагов.

Совершенно другое значение имела постановка вопроса о помощи со стороны России, с которой у армян были давнишние экономические, политические и культурные связи.

Нет фактического материала, подтверждающего, что автором постановки вопроса о русской помощи на Ангегакотском собрании был Израел Ори. Русская ориентация, обращение к России с просьбой о помощи, — это целое общественное явление, и нельзя все это приписывать личным качествам и действиям одного Ори. Подобное отношение к указанному вопросу не только приводит к идеализации личности Ори, но и умаляет историческое значение целого общественного явления — Ангегакотского собрания, одним из участников которого был Ори.

Послание католикаса Акопа Джугаеци русскому царю в 70-х годах XVII в., письмо меликов Петру I, в котором они решили обратиться к помощи русского государства, свидетельствуют, что русская ориентация и вопрос о русской помощи развивались и обсуждались среди армян еще задолго до пребывания Ори в Армении. Ори сам признается в своих записках, что когда он был в Армении, то там прошел слух, что русский царь „хочет объявить войну персидскому шаху“¹. В письме Петру I мелики указывали, что они с давних времен черпали из своих святынь книг и преданий надежду, что свобода будет дана им и их стране русским государем: „И до сегодняшнего дня,— писали мелики,— мы имеем эту надежду и мнение“².

Ниже публикуемое письмо-обращение армянских деревенских-сельских старшин (кедхуда) и священников к царю Алексею Михайловичу, хотя и носит частный характер и прямого отношения к Ангегакотскому собранию или деятельности Ори не имеет, все же свидетельствует, что Россию и русское государство армянское общество знало намного раньше пребывания Ори в Армении. Вот почему

¹ Г. Эзов, *Сношения Петра Великого с армянским народом*, СПб, 1898, стр. 32.

² Там же, стр. 18—19. В письме меликов (от 1699 г.) говорится, что они еще в 1678 г. (т. е. тогда, когда Израела Ори еще не был на политической арене) решили обратиться с просьбой о помощи к русскому царю. Этот факт также свидетельствует о том, что вопрос о русской помощи был поставлен меликами, а не Ори.

и инициатором постановки вопроса о русской помощи на Ангегакотском собрании мы считаем не Ори, а представителей армянского общества—меликов. Нам кажется, что на собрании в Ангегакоте не мелики пошли за Ори в вопросе о русской помощи, а, напротив, сам Ори пошел в этом вопросе за меликами и поддерживавшими их кругами армянского общества¹.

Деятельность Исраела Ори с 1699 до 1711 г. в основном была направлена на разрешение двух задач: освобождения Армении от персидского и турецкого ига и создания самостоятельного или полусамостоятельного армянского государства под покровительством России. Решение последней задачи требовало дальнейшего расширения армяно-русских отношений, которые могли бы способствовать развитию среди армян движения за присоединение к России. В этом отношении Ори сделал гораздо больше, чем кто-либо другой из его современников².

Вместе с Исраелом Ори в Россию выехал в 1699 г. настоятель монастыря св. Акопа Минас-вардапет Тигранян. Он вместе с Ори вел переговоры с русским правительством о помощи в освобождении Армении от персидского и турецкого ига. После смерти Ори, в силу

¹ П. Т. Арутюнян, указ. соч., стр. 142, 149. А. Лалаян в своей статье „К оценке деятельности Исраела Ори и Минаса-вардапета“ („Известия АН Армянской ССР“, 1955, № 11) возражает против такой постановки вопроса и пишет, что „предположение П. Арутюняна насчет позиции Ори на Ангегакотском собрании, как и его противопоставление позиций Ори и меликов, необоснованно и умаляет роль Ори в освободительном движении армянского народа“ (А. Лалаян, стр. 99). Но Лалаян не мог объяснить, почему предположение П. Арутюняна „умалит роль Ори“. В статье А. Лалаяна нет фактического материала, подтверждающего мнение автора. Эта рецензия построена на желании А. Лалаяна оградить личность Ори и Минаса-вардапета от всякой критики. А историк не может так поступать. В этой статье А. Лалаян пишет, что П. Т. Арутюнян „непомерно большое внимание уделяет вопросу о происхождении Ори с целью „изобразить его (т. е. Ори—П. А.) обыкновенным купцом (с „крестьянским происхождением“) и свести на нет его роль в освободительном движении“ (стр. 96).

В моей книге об Исраеле Ори говорится на страницах 5, 7, 60, 127, 131, 132, 138—152, 154, 155, 166, 183, 186, 192, 231, 246, 257. Пусть рецензент или кто-либо другой докажут, на какой странице Исраел Ори „изображен“ „обыкновенным купцом“. Кроме того, кто же сказал, что выходец из купеческой среды не может быть таким же активным деятелем освободительного движения, каким, скажем, может быть феодал или крестьянин?

Уточнение биографических данных не означает „свести на нет“ роль того или другого крупного деятеля. В моей книге нет стремления умалить роль Ори в истории Армении; в то же время нет намерения развитие русско-армянских политических отношений целиком приписывать личным качествам Ори. Ори был одним из выдающихся деятелей освободительного движения армянского народа в начале XVIII в. и при оценке его деятельности нельзя впадать в крайность и заявлять, что Ори был якобы создателем и руководителем „Армянской миссии в Москве“ (?). В ту пору Армения не имела своей государственности и в силу этого не могла быть „создана Армянская миссия в Москве“.

² П. Т. Арутюнян, указ. соч., стр. 149.

сложившейся обстановки, Минасу-вардапету пришлось сыграть довольно заметную роль в деле дальнейшего укрепления армяно-русских связей и развития освободительного движения. После смерти Ори в 1711 г., до начала 20-х годов, связи между армянской феодально-купеческой верхушкой и русским правительством поддерживались через Минаса. Но неправильные действия и поступки Минаса, как об этом свидетельствует ряд документов, вызвали против него известное недовольство среди представителей армянской феодально-купеческой верхушки, в частности среди представителей Эчмиадзина. Так, например, сторонник Минаса, Есаи Хасан-Джалалян, в своем письме Минасу от 6 апреля 1721 г., предупреждая его об опасности со стороны Эчмиадзина, сообщал: «...շատա՛մ է առ քեզ բերան առ բերան ասացեալ եմ և թղթով ևս օտնուցեալ իրր թէ մեք ի մէջ օձից բնակիմք, չնո՛ք կարող դամ խորհուրդ և սրտի իդձ մեր կատարելապս գրել ամուրեք զի քեզ յայտնի է հայոց չարութի, որ մատնութի ի դատ րան չգիտեն. մանաւանդ մեր թշնամիք և հակառակք անչափք կան և ուր դու իսկ գրեալ ես թէ Զուղեցիք, թէ էջմիածնիք և թէ շատախեցիք, ա՛յ մի արասցէ թէ որ այս թղթոց մէկն նց ձեռն անկանի առ հոգով մարմնով դերժանելոյ հնար չկայ» («...раньше мы подробно говорили тебе, а также и сообщили письмом, что мы живем среди змеев (и) не сможем наши все думы и чаяния подробно описать, ибо тебе известна злобредность армян, которые, кроме измены, больше ничего не знают; тем более, что мы имеем много (անչափք — бесчисленных) недругов и противников, какими являются, и как ты сам написал, как джюльфинцы, так и эчмиадзинские и шемахийские (армяне); боже упаси, если одно из этих писем попадет в их руки, пропадем душой и телом»¹).

Представителями этих „джюльфинцев и эчмиадзинцев“ были епископ Оваким Джугаеци и священник Иван Яковлев Араратский (т. е. Эчмиадзинский), с которыми Минас, поссорившись, добился их ареста.

Священник Иван Яковлев в дальнейшем получил возможность написать подробное объяснение о себе и о причине своей ссоры с Минасом. Объяснительная записка-жалоба Ивана Яковлева² дает возможность выяснить разные стороны характера и поведения Минаса, как деятеля освободительного движения. Жалоба Ивана Яковлева обращает на себя внимание еще и тем, что она адресована русскому царю (не носит частного характера) и написана со стороны человека, пострадавшего от действий Минаса. Записка-жалоба Ивана Яковлева свидетельствует о необходимости более критического отношения к

¹ Аш. Иоаннисян, К вопросу о возникновении русской ориентации у армян, Эчмиадзин, 1921, приложение, док. № 15.

² Архив ВПР, фонд Сношения России с Арменией, 1722, № 1, лл. 28—39. Этот документ будет издан в сборнике документов „Русско-армянские отношения в первой четверти XVIII в.“.

деятельности Минаса, не следует его личность и деятельность идеализировать.

Следует сказать, что на этот документ впервые обратил внимание Аш. Иоаннисян¹, который, считая его „недоказанным обвинением“; в то же время отмечает, что оно (обвинение) „кажется, что вовсе не лишено реальной ценности“. В жалобе Ивана Яковлева Аш. Иоаннисян видит подтверждение свидетельств (о Минасе) Овакима-епископа, противника священника Акопяна и иезуита Крузинского — „друга Минаса-вардапета“². А раньше этого (на стр. 34) Аш. Иоаннисян пишет, что „иезуит Крузинский, который знал Минаса-вардапета из Москвы, считал его хорошим католиком: „*իւմ իւրբնիկ — arprime catholicus*“. Что же касается Овакима-епископа, то он в 1717 г. „с ужасом докладывал современному патриарху Аствацатуру Хамаданеци, что „этот обманщик несторианец Минас (*ալի իւրբնիկ իւրբնիկ իւրբնիկ*)“ во время мессы, игнорируя Эчмиадзин, упоминает имена римского папы и патриарха Гандзасара“³.

Аш. Иоаннисяна в данном случае интересовали факты, подтверждающие⁴ слова Иезуита Крузинского и епископа Овакима о склонности Минаса к католицизму.

Нас же занимала другая сторона этого документа. Мы отметили, что ссоры и раздоры между Минасом и Иваном Яковлевым происходили на почве материальных интересов, из-за церковных доходов от приходов и т. д.⁵

¹ Аш. Иоаннисян, указ. соч., стр. 36.

² Там же.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 36.

⁵ П. Т. Арутюнян, указ. соч., стр. 151, примеч. 3, подробнее об этом документе см. рукопись нашей работы, хранящуюся в библ. им. В. И. Ленина под № Дд $\frac{53-7}{1}$ и № Ф $\frac{1-53}{843-844}$. Другой экземпляр рукописи хранится в библ. Института востоковедения АН СССР под № $\frac{9 \text{ Ба}}{\text{Ару}}$ (стр. 584—587, 621).

Рецензент А. Лалаян, увидя в нашей работе ссылку на рассматриваемый архивный документ и заметив наше критическое отношение к Минасу, сделал следующее заявление: „Следует, однако, сказать, что его (т. е. П. Арутюняна) критика, исходящая из тенденциозных жалоб армянского попа Ивана Яковлева, не содержит в себе ничего нового и представляет сокращенный вариант критики, данной в брошюре т. Ашота Иоаннисяна. При этом П. Арутюнян ссылается не на брошюру, а на архивное дело АВПР, ф. Сношение России с Арменией, 1722, лл. 28—39 (стр. 151), в котором, однако, не оказалось ничего подобного. Выходит, что автор (т. е. П. Арутюнян) не только берет у Аш. Иоаннисяна основные положения его критики Минаса (и Ори), но и в точности повторяет его ссылку на вышеуказанное дело, не интересуясь даже, где и под каким номером находится оно“.

Следует сказать, что, во-первых, до сих пор никем не установлено, что обвинение или жалоба Ивана Яковлева является тенденциозной. Во-вторых, в работе Аш. Иоаннисяна, на стр. 34, имеется ссылка: „*Մուկիմի դիմի*“. Дела Арм. 1722, февр. 15 . 28 և հետ. В нашей работе нет такой ссылки. В работе Аш. Иоанни-

В этой объяснительной записке-жалобе на поведение Минаса-вардапета Иван Яковлев остановился главным образом на следующих вопросах: 1) В Москве, для армян „Минас вардапет хотел службу отправлять по католицкому закону, и в том он учинился православной христианской веры противен... Он, Минас, по этому делу делает неправду, и потому я, нижайший, слушать его не хотел... и потому он яко предатель мне и сыном моим явился как Иуда Христа предал—так же и он меня предал и послал меня в ссылку...“. 2) Этот же священник жаловался Петру I, что Минас-вардапет „нашу армянскую всякую церковную утварь взял воровски и поехал из Москвы незнамо куды, и людей обидел, и церковь ограбил, и меня, нижайшего, разорил...“. 3) В 1714 г. армянские джюльфинские компанейщики и сам Иван Яковлев купили участок для строительства церкви, за что они заплатили владельцу участка 792 руб., из коих „182 руб. 18 алтын и четыре деньги“ были собственными деньгами Ивана Яковлева. И вот, когда в 1722 г. „я, нижайший,—пишет Иван Яковлев,—по доношению его, Минаса вардапета, был под караулом в коллегии иностранных дел, и в те числа оное место и с полатод продал (Минас в.) воровски армянам Макар Сафаров Прокофию Федоровичу, сыну Соковнину, без ведома моего и кумпанейщиков, которые деньги давали, а оное место было куплено ради церковного строения, а не для продажи...“. 4) Иван Яковлев просил у синода и Петра I издания указа, согласно которому московские жители и приезжие армяне должны были быть определены в его приход, и т. д.

Из приведенного заявления Ивана Яковлева видно, что главной причиной ссоры и раздора между ним и Минасом-вардапетом были их материальные, денежные интересы. Трудно установить, насколько обоснованы были эти обвинения по адресу Минаса-вардапета, представленные Иваном Яковлевым русскому правительству в 1723 г., но ясно одно, что подобное заявление и обвинения не могли не подорвать авторитета Минаса в глазах русского правительства. Из вышеуказанного заявления Ивана Яковлева выясняется, что ему была известна судьба епископа Овакима, который был задержан в Казани в 1718 г. Не приходится сомневаться в том, что этот Иван Яковлев и его друзья сообщили в Эчмиадзин как о судьбе епископа Овакима, так и о других событиях и тем самым вызвали про-

сяна нет ссылки на Архив ВПР (Архив внешней политики России), лл. 28—39. Ведь рецензент, при желании, мог бы сделать запрос в Архив ВПР или Институт востоковедения, чтобы выяснить П. Арутюнян на самом деле знает это архивное дело или „в точности повторяет ссылку Аш. Иоаннисяна“. Если бы вместо этих слов в рецензии было отмечено, что в книге пропущен номер архивного дела (который имеется на стр. 621 вышеуказанной нашей рукописи), то можно было бы думать, что рецензент знаком с этим делом, и его заявление о том, что в указанном архивном фонде якобы „не оказалось ничего подобного“, исходит из фактического положения и не является его свободным сочинительством. Архивный документ не является собственностью первого читателя. На него могут ссылаться и другие.

тив Минаса подозрения среди армян. Вот почему в 1721 г. патриарх Есаи в своем письме просил Минаса проявить покорность по отношению к Эчмиадзину.

Раздоры и ссоры между Минасом-вардапетом и Иваном Яковлевым представляли собой такое же явление, какое существовало в это время в отношениях между Эчмиадзином и Гандзасаром, между Гандзасаром и монастырем „Трех младенцев“, т. е. раздоры и ссоры из-за материальных интересов, из-за церковных доходов от приходов и т. д.

Приложение

1674 г. 13 апреля. Письмо армянских сельских старшин и священников из Нахичеванского округа царю Алексею Михайловичу „О вспоможении армянину Иоанну в отыскании после умершего в Крыме брата его пожитков“¹:

«Ի նուապտ Յովանէսէս խօջայ Բաղուն եղբայրն, և որդիքն ի փորումս, և Յակոբս, խօջայ Բաղուն որդիքն, և նորայ կողակիցն Դովաթնա, չունքի գրով յիմացանք, որ խօջայ Բաղին թաթարի էլչուն հետ գնացել էր Մօսկովն, տեղն առ «ձ էր փոխել, և իւր ապրանքն տեղտ անտէր էր մնացել. մեր էլ ուրիշ ճար գնալ չունէինք, որոյ արգ անէաք առ մեծութեն մեծի արքային Մօսկովայ: Դարձ սորյնէ, այսինքն մեր վերոյգրեւալքս և մեր զեղին մեծ ու փոքր ճնացինք քահանովք, մօտ առ ան Մաթէոս Յոսանիսեցի հարիեպիսկոպոսն ֆռանդաց, որ կան ի լաշխարսն հայրստանաց և առ գրունս փարսից թագաւորին, սորայ յա[յ]տնեցինք զմեր որպէսութի և խեղճութի. նայ ևս տեսանելով զմեր դառն որպիսութի, յաժար եղաւ զրել լաթինացւոց բառով առ մեծութեն Մրսկովայ թագաւորին մասն այ սերուն համար նորայ սրուն համար և մեր վերոյ գրեաւ նուաստադուն և անարժան, աղքատ քրիստոնեայրս որք ի ձեռն պարտականաց հանապան նեղութիս անպատմելի կրում եմք, աղաչեմք և պաղատեմք զմեծութեա պարեպալտ թագաւորին, որ սէպ գիրպիւ բարեբարութի անես, որ էն փոքր իբժինն վերոյգրեալ խօջայ Բաղունին հասանիցէ ի ձեռն այս փէրիշան աղքատաց, որք հանապազորդ օրհնող կու լինին ձեր բարեպաշտ թագաւորութեն զորն ած ամենայ զարող միշտ անսասան պահեսցէ ի փառս իւր սր անուանն առ ի հառտատութի. այս ինթիմասայ դիրս, որ մեր խօջայ Բաղունին վարիսն արարինք, վերոյ գրեալ հայրապետին, ան Մաթէոսին, այս ներոյ գրեալքս քանդիւտեղքս և քահանայքս, զկայուր գնքեցաք վկայուր արարին և սր ածածնիս և ծառայիցն.

աւեր Ասծատրին, տեր Դաւուստին, տեր Թումային, տեր Ովանիսին, տեր Գրիգորին, խօջայ Պետրոսին, խօջայ Վելիջան (կնիք), խօջայ Դրիգորին (կնիք), խօջայ Եղիալին (կնիքում—Օհանի որդի Եղիայ), խօջայ Պետրոսին, խօջայ Գրիգորին (կնիք), խօջայ Մովսէսին (կնիք), խօջայ Դաւուստին (կնիքում—Կարապետի որդի Դաւուստ), խօջայ Աւաքին (կնիքում—Մատուրի որդի Աւար), խօջայ Նասիպին (կնիք), խօջայ Առաքէլ, խօջայ Միրայէլին, խօջայ Վարդուին, խօջայ Ղարամին, խօջայ Սաշիկին:

¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Арменией, 1676 г., февр. 24, д. № 2. На обложке дела написано: „1676 г. февр. 24, № 2. Дело по письму к царю Алексею Михайловичу от армянского нахичеванского архиепископа Матвея Ованнисского о вспоможении армянину Иоанну в отыскании после умершего в Крыме брата его пожитков, кои поручены для возвращения находящемуся в России под стражею крымскому послу Сефер-аге“.

Գրության լուսանցքու՝ զրված է՝ «Աղաչեմք ամբն առ բարեպաշտ արքայրն՝ վասն առ հեղձ, ողորմելի բրիստոնայիտ զթասցես զթած և ողորմած ած բեղ զթած և ողորմած լոսն մինչի կասաղարի և յետ փոխելոյ աստի երկնից արքայութիւն ժառանգաւոր լիցիս ամենայն նընթեցելովք բուռովք ամենայն»:

¹ ЦГДА, ф. Сношения России с Арменней, 1676 г., 24 февр., д. № 2, л. 1. Այս նամակին ուղեկցող լատիներեն գրության (Մաթէոս Յովանիսցու ձեռքով գրած) վերջում կա գրության թվականը՝ «1674 թվ. ապրիլի 13»: